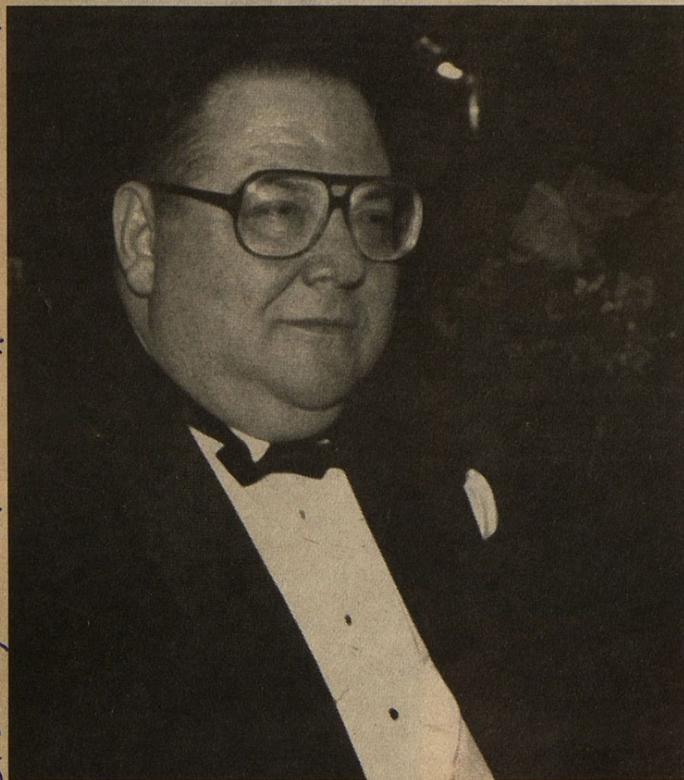

Николай ПЕТРОВ: «Радужных прогнозов на будущее у меня нет»

Останется крайне мало людей, любящих классическую музыку.

— Николай Арнольдович, в последнее время наши читатели активно интересуются Вашей персоной, присылают различные вопросы. Редакции также хотелось бы знать Ваше мнение по многим существующим проблемам. Поэтому, если Вы не возражаете, первая часть нашей беседы будет официальной, а потом перейдем к более личным вещам.

— Вперед.

— Расскажите о своем нынешнем сезоне. Какие события были значимы — гастроли, записи, концертные программы, фестиваль «Кремль музыкальный»?

— Собственно говоря, на этот вопрос вы уже и ответили: были и гастроли, и мастер-классы, и мой именной абонемент «Играет Николай Петров» в Большом зале Московской консерватории, и, безусловно, мой фестиваль, который на этот раз прошел великолепно и превзошел самые лучшие ожидания. Он полностью соответствовал моей идее, в нем участвовали и «звезды», и молодые музыканты.

— Вы и на этот раз «открыли» какое-нибудь дарование?

— Результатом явился концерт, который я включил в свой филармонический абонемент. Он называется «Николай Петров представляет». Выступали замечательные молодые музыканты — всех не перечислить, но назову, в частности, поразившего меня не только своим фортепианным, но и композиторским дарованием, Никиту Мндоянца. Особенно приятно, что он — сын моего давнего друга, уважаемого и любимого мною человека Александра Мндоянца (кстати, почти 30 лет назад я ездил с ним на конкурс Клайберна, и Алик получил там звание лауреата). Кроме того, я преподавал на мастер-классах в Израиле и пригласил участвовать в своем концерте двух израильских пианистов. Они играли чрезвычайно успешно. Только что я вернулся с мастер-клас-

сов в Китцингене в Германии, там был очень высокий уровень. Один мальчик из Калуги — просто удивительный! И откуда такие только появляются?

Вы знаете, что сейчас количество мегамаркетов в Москве превышает, по-моему, население Московской области. Они возникают на каждом шагу и все стоят пустые, потому что предложение намного превышает спрос — так же, как и в музыке. Я хочу сказать, что количество пианистов на душу населения растет совершенно непропорционально спросу на них.

— Это хорошо или плохо?

— Мое мнение такое. Но зато, что я когда-то давно его высказал, я стал персоной нон грата — мое имя было запрещено произносить в Центральной музыкальной школе, даже сняли мой портрет с иконостаса лауреатов ЦМШ, просто его выдрали (правда, через два-три месяца все же водрузили на место, потому что, сами понимаете...). Меня проклинали как деструктора, разрушителя, как человека, который всех хочет оставить без работы... А я говорил о том, что надо резко сократить прием, особенно пианистов, и поднимать требования к абитуриентам. Сейчас ведь в классах учатся по 30-35 человек, берут кого ни попадя. И стало совершенно нормальным выражение: «Вам без репетитора в ЦМШ делать нечего». Раньше за подобное высказывание выгнали бы на следующий день!

Когда в лесу много волков, то на них объявляют охоту, отстрел. А на пианистов отстрел еще никто не объявлял. Разумеется, это перебор, но нельзя же так жестоко (жесток!) давать людям надежду, и людям, проучившимся 21 год! Какой еще профессии нужно учиться столько времени? У кого такая профессия — у физика, химика, слесаря, у механика?.. И вот потом встает перспектива — музыкальное училище в городе Нарьян-Мар. Я очень уважаю это училище, там, наверное, святые люди работают — за тысячу рублей, которую они получают в месяц. Но ведь перспективы-то у молодых исполни-

телей никакой, им деваться некуда, потому что в этом шарикоподшипнике все ячейки заняты!

— Давать надежду — что Вы имеете в виду? Что все студенты мечтают о сольной карьере?

— Ну, естественно, человек начинает играть на скрипке, чтобы стать Леонидом Коганом или Максимом Венгеровым. А разочарование наступает самое большое. Сказывается и невозможность поменять профессию — уровня образования, получаемого в той же ЦМШ, не достаточно для поступления в любой другой институт — как гуманитарный, так и технический.

— А лично Вы можете лишить человека этой надежды? Не боитесь ошибиться?

— Однажды на зарубежных мастер-классах у меня занималась одна девица, лет уже под тридцать, богатая. У нее дома стоят три концертных «Стейнвея», каждый по сто тысяч долларов. Играла совершенно чудовищно, просто ужас! И она заявила, что хочет приехать в Москву и брать у меня частные уроки по 500 долларов. Я ей сказал: «Миленькая, пока не поздно, не тратьте время, из вас пианистки не выйдет ни за какие деньги — ни за 500, ни за 5.000, ни за 50.000! Не получится, это не ваша стезя. Займитесь чем-нибудь, в чем вы сможете себя показать». Ой, какую мне организаторы устроили выволочку! «Как вы могли так поступить! Человек приходит, платит деньги, а вы говорите, что ему не надо быть пианистом!» А я просто из жалости так сказал.

— Сейчас Московская консерватория временно осталась без ректора. В подобные периоды безвластия всегда всплывает Ваша кандидатура. Скажите, Вы хотите быть ректором?

— Скажу сразу: мне никто ничего не предлагал. А вообще-то разговоры ходят часто. Усилиями «доброжелателей» — у меня их очень много — я уже «посидел» в креслах директора ЦМШ, директора Московской филармонии, ректора консерватории, даже в кресле министра культуры (там-то я действительно был в списках, просто отказался)... Так вот, хочу вам сказать: мне 61 год, я, проживший хорошую часть своей жизни, очень ленивый человек, моим героем является Илья Ильич Обломов. Он замечательный человек, никому ничего плохого не сделал. Я считаю, что идти лучше, чем бежать, стоять лучше, чем идти, сидеть лучше, чем стоять, лежать лучше, чем сидеть. А еще бы лучше дремать, смотреть телевизор, гладить кота...

— А если Вас пригласят?

— Золотце, если меня пригласят, то я, естественно, буду думать.

— Но, так или иначе, у Вас все равно есть какое-то свое видение, что нужно (или можно) сделать в консерватории. Давайте порассуждаем эмпирически, абстрактно — с чего бы Вы начали, будучи ректором? Какова была бы Ваша генеральная линия?

— Я Вам сейчас повторю дословно то, что я сказал бывшему ректору Михаилу Овчинникову, когда он пригласил меня преподавать. С тех пор прошло более десяти лет, но мое мнение не изменилось.

Во-первых, прием в консерваторию слишком большой, по всем отделениям. Во-вторых, полностью дискредитировала себя система приемных и выпускных экзаменов. Многие педагоги ходят и говорят: «Хотите поступить в консерваторию — пишите заявление в мой класс». Мое мнение такое. На этих экзаменах должна быть комиссия из восьми, скажем, человек, но только двое — из Московской консерватории, а остальные из других вузов: из Петербурга, Новосибирска, Казани...

А на вступительных экзаменах, например, я бы сделал простейшую вещь. Скажем, на фортепианном факультете преподают 45 педагогов. Листочки со всеми фамилиями вывешиваются в коридоре на гвоздиках, и пусть абитуриенты по желанию записываются. И мы тут же выясним степень необходимости того или иного педагога. Ведь очень много преподавателей, которые с утра до вечера сидят в пустом классе, к ним никто не ходит. Если просто прийти и сказать об этом, тут же поднимется скандал. А здесь — пожалуйста, демократия: смотрите, к этому человеку записались 15 студентов, к этому один, а к этому — ни одного. Значит, пришло время пересматривать сложившуюся систему. Это логично или нелогично?

Кроме того, я считаю, что оценки «4-» по специальности вообще не может быть.

— А ее, как правило, и нет — в основном, предпочитают два балла: 5 или 5-.

— Ну что вы! Ставят почему зря! А не ставят только иностранцам, которые платят по семь тысяч долларов в год, — вот они могут играть как угодно.

— Я не совсем поняла, какую систему оценивания Вы предлагаете: 5 и 2?

— Нет, не так. Очень просто: если человек не тянет на своем факультете, зачем ему пять лет коптить в консерватории? Я бы ввел еще один конкурсный год, после которого кто-то останется, а кого-то отчислят. Так вот, отчислять нужно достаточно жестко, чтобы не было жестоко. Потому что потом такой человек еще на что-то надеется. Помните чудный анекдот? Приходящий учитель, репетитор, говорит ученику: «Если ты будешь

себя плохо вести, я скажу твоим маме и папе, что у тебя талант».

— Допустим, это нововведение будет мало популярным как среди педагогов, так и среди студентов. А еще какие программные действия Вы предложите?

— Мне бы не хотелось об этом говорить, даже приблизительно.

— То есть Вы не можете обнародовать свое мнение? Ведь Вы же профессор консерватории!

— Долгие годы там вообще нельзя было произносить мою фамилию.

— Сколько у Вас студентов?

— Трое. Больше не могу. Я могу предоставить своим студентам один день в неделю, чтобы это не шло в ущерб моей основной профессии — я исполнитель пока что.

— В одном интервью Вы как-то сказали, что мало занимаетесь, что это Вам не нужно, говорили, что репетиционный процесс не занимает у Вас много времени.

— Когда я такие вещи говорю, то, упаси Боже, никогда никому их не рекомендую. Я обычно ставлю в пример двух гениев. Один гений — Святослав Теофилович Рихтер, он сутки проводил за роялем, занимался по 14 часов, ночами... Результат всем известен, мы все слышали. И другой гений — Артур Игнатъевич Рубинштейн, который практически не занимался. У него было феноменальное сочетание мозга, сердца, рук, разума... Этот человек всю жизнь обожал роскошных женщин, красивые костюмы, курил дорогие сигары, ходил в шикарные рестораны, был бонвиван, сибарит, пользовался жизнью и был гедонистом. Вот себя я причисляю к гедонистам, потому что считаю, что удобнее давать интервью в вольтертовском кресле, чем на стуле. Кто был из них прав?

В моей жизни однажды был такой случай. Готовясь к конкурсу Клайберна, мы с покойным, к сожалению, Мишей Межлумовым занимались в Риге семь или восемь часов подряд. И со мной первый и единственный раз в жизни случилась настоящая истерика — я что-то кричал, плакал... Миша испугался, привел меня в гостиницу, я лег спать и проснулся через день, то есть проспал сутки с лишним! И за всю свою жизнь я больше трех часов никогда не занимался. Это максимум.

Тем не менее, у меня в репертуаре — 82 концерта, многократно сыгранные с оркестром, более 60 сольных программ, много ансамблевой музыки, практически вся квинтетная литература...

Петров Николай (мама - Ирина) 11.5-6 / 2004 (Муз. обозрение, 2004 - и 5-6 - с. 4-5)

15

— **Интересно: Вы помните все сыгранные или выученные сочинения, или Вам все же нужно открыть ноты, чтобы «освежить» в памяти то или иное произведение?**

— Знаете, я очень благодарен Якову Израилевичу Заку. У него было такое выражение: «Нельзя таскать пирожки прямо из духовки на стол, они обязательно должны еще полежать под полотенчиком». И у меня создался такой виртуальный «сундук» — в него я вкладываю массу сочинений, которые были выучены, сделаны, но не играны или играны очень мало. Этот «сундук» стал очень вместительным. И, поверьте, только около четырех лет назад я его исчерпал! Несколько лет назад я сыграл все 17 концертов Баха — и одинарные, и двойные, и тройные, и четверные, и Бранденбургский... Так вот, когда я открыл ноты концерта, который играл в третьем классе ЦМШ, выяснилось, что ручонки-то помнят! А ведь столько времени прошло!

Есть люди, мои коллеги, — очень им сочувствую! — которые забывают сочинения, и им нужны долгие дни и часы, чтобы их возобновить, восстановить. К счастью, я медленно забываю. И быстро учу. Мне не надо разыгрываться — могу минуту-две поиграть и идти на сцену.

Это не моя доблесть. Это мне дал Господь Бог. В пятом или шестом классе ЦМШ я сдал экзамен по гаммам и арпеджио и больше никогда не сыграл ни одного упражнения. Для меня это пустая трата времени — все необходимое для содержания своего аппарата в порядке я нахожу в сочинениях, которые играю в данный момент. А другому человеку нужно много заниматься. Иной исполнитель будет носить перчатки из оленьей шерсти, потому что у него руки холодные. Я же зимой вообще без перчаток хожу, у меня руки всегда теплые. Все намеченное на сезон помню, поэтому знаю, сколько должен сидеть за роялем.

Если у человека блестящая техника, блестящий аппарат, то я считаю, что ему не нужно исполнять этюды, гораздо полезнее поиграть ноктюрны Шопена. И наоборот: если у кого-то хорошие, пластичные музыкальные фразы, а пальцы двигаются еле-еле, то ему действительно нужно заниматься Ганном, Мошковским, Крамером.

— **Прошел почти год с того момента, как в Московской филармонии сменилось руководство. На Вас лично это как-то отразилось?**

— На мне это не сказалось, потому что я один из немногих людей, которые кормят филармонию. У меня так и остался абонемент из пяти концертов. Я знаю, что кому-то не дали залов и прочее. Но один разговор — когда весь прогрессивный мир празднует 25-летний юбилей полупрофессионала Николая Баскова, или когда вся Москва обклеена растяжками неизвестного мне скрипача Карэна Шахгалдяна. Я не знаю, кто он такой. Ну, нет у людей возможности делать себе такой промо-

дям, не собирающим зал. Но, конечно, параллельно нужно большее внимание уделять рекламе и пропаганде своих артистов.

— **На Ваш взгляд, с новыми руководителями в филармонию пришла новая политика?**

— Я уже пережил десяток министров культуры. И пережил более десятка директоров филармонии. Некоторые из них были сняты при моем непосредственном участии, они это знают. Поэтому, в принципе, мне совершенно все равно, кто возглавляет филармонию. Мне нужно только одно — чтобы меня не трогали. Помогать мне не надо. Половину своей жизни я работал на то, чтобы создать себе имя. Хорошее или плохое — будут решать уже в некрологе. Тем не

«Когда в лесу много волков, то на них объявляют охоту, отстрел. А на пианистов отстрел еще никто не объявлял.»

менее, я его создал, и вторую половину жизни оно станет работать на меня. И если сейчас я выйду на сцену и увижу, что сидит половина партера, то винить в этом не буду никого, даже директора филармонии. Значит, я сделал какую-то ошибку: либо слишком часто появляюсь на публике, либо выбрал не ту программу, либо Бог его знает, в чем дело. И буду сидеть и анализировать, что случилось. Главное — чтобы мне не мешали.

— **Как бы Вы определили главные беды сегодняшней музыкальной культуры? Что Вас больше всего раздражает?**

— Меня не раздражает, меня пугает и убивает то, что сейчас все стало продаваться. Было понятие, как Иисус Христос изгнал торговцев из храма, а сейчас эти торговцы в храме делают что хотят. Большой зал консерватории сегодня может купить бездарный певец с большими деньгами, какой-нибудь Торчилин — мне рассказывали, он пел так, что стены чуть не рухнули.

К сожалению, среди сотрудников и филармонии, и консерватории находятся люди, которые идут на подобное, потому что это «живые» деньги. Появляется какой-то новый, никому не известный оркестр. Где он дебутирует? В БЗК! «Миллениум-Шмиллениум», полупрофессиональный оркестр Вахтанга Жрданиани, оркестр Стаса Намина с еле стоящим на ногах дирижером-армянином... Они все играют в БЗК!!! Как раньше говорили: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». А сейчас все можно. И я не удивлюсь, если завтра в БЗК будет выступать Алла Пугачева, она уже об этом сказала.

— **Малинин-то уже выступил...**

— Я об этом писал. Он меня спрашивает, что я имею против него. Ничего не имею против Саши Малинина, он талантливый и достойный в своей обла-

сти певец, его с удовольствием будут слушать в концертном зале «Россия», даже в зале им. Чайковского... Но есть место святое, куда человек должен стремиться попасть, где должен бороться за право выступить. Да лет 15 назад Александр Малинин никогда бы и не попросил этот зал! А сейчас ему назвали очень высокую цену, скажем, 10–12 тысяч долларов, и он заплатил. Для эстрады такую сум-

му отдать все равно, как мне выложить 100 рублей. И если завтра в БЗК будет вертеть голой задницей Боря Моисеев, я не удивлюсь: вот вам портреты Баха, Бетховена, Верди — а вот голая задница Бори Моисеева. Растаяли этические, моральные ценности, исчезло сомнение. Рахманинов, например, сомневался, хорошо ли он пишет. А эти не сомневаются, эти покупают. Наличие сомнения — признак культурного человека: «Правильно ли я делаю, можно ли так, не причиню ли я своим поступком кому-нибудь вреда или горя?» Они об этом не думают, они имеют толстый кошелек, и все им разрешено. Вот что меня совершенно убивает. Есть люди, я их знаю (не хочу называть конкретно, а то придется нанимать охрану), которые хотят превратить концертные

залы в высокодоходное коммерческое предприятие. А что это такое? Конечно, замечательно, что приезжает Джесси Норман и билеты стоят 300 долларов. Но, извините, я пенсионер, я получаю пенсию 1.860 руб. Это 50 долларов. Могу я сходить на Джесси Норман?

Я считаю, что филармония должна поднимать миссионерство. Просветительство должно быть заложено если не прежде, то, по крайней мере, рядом с коммерческой выгодой. И мы не имеем права лишать людей, которых и так убивает изо дня в день мутная, смердящая волна попы, извергающаяся из всех дырок радиоприемников и телевизоров. Но ведь хотят еще и радио «Орфей» поглотить, эту маленькую, жалкую, работающую на УКВ, а не на FM, с крошечным передатчиком станцию! И ее хотят сожрать! Этим людям безразлично, что в миниатюрной Голландии существует четыре станции, которые с утра до вечера передают классическую музыку. А у нас — ни одной! Появилось радио «Классика», на котором один раз в день передают Адажио из «Щелкунчика», а затем — сплошная Алена Апина.

Как надоело оглушение публики всем тем, что творится на телевидении, вся эта петросянщина!.. Стандартный набор! Переключил первый канал на второй — а там опять Петросян, у которого чувство юмора отсутствует как класс!.. Переключил второй на третий — а там Регина Дубовицкая... Переключил еще — вижу дуру набитую Степаненку, у нее все шутки ниже пупа (выше-то никому не интересно!)... Меня от них просто тошнит!!! А публика довольна.

— **Вот один из юмористов уже губернатором стал, на Алтае...**

— Я посмотрю, что он там наделает в губернаторском кресле. Видели мы таких губернаторов... Это страшно.

А любители классики остались в очень ограниченном количестве — люди-то вымирают! А сколько людей физически не могут ходить на концерты! Например, жил человек в Патриаршем переулке, а потом его переселили в спальный район, в какие-нибудь Вешняки. Чтобы поехать на концерт, ему надо сесть на электричку, потом на метро, потом на автобус, да еще заплатить деньги за билет в консерваторию. Может ли он себе это позволить? Как Евтушенко писал для Тринадцатой симфонии Шостаковича: «Их обсчитывать обидно, их обманывать грешно». Их действительно грешно обманывать! Но на это всем наплевать.

Радужных прогнозов на будущее у меня нет. Останется крайне мало людей, любящих классическую музыку. Смотрите: если ваш сын или дочь начали с утра до вечера ходить на Бюрю Моисеева, Апины и Распутину, это означает, что они уже никогда не пойдут слушать симфонии Чайковского или Шумана. А это значит, что и их дети не пойдут, потому что они (внуки) тоже будут фанатеть от Моисеева, Шуры-Муры и прочих извращенцев. Какое там творчество! Если поколение считается 15 лет, то вот вам готова программа развития на 30 лет вперед.

На своих концертах на Западе я замечаю также и людей с голубыми волосами, с гребнями, лысых, бритых... Но я их вижу! Просто сегодня они идут слушать стальной рок (кстати, против рока я ничего не имею), а завтра посещают мессу. У нас же так не укладывается. Почему? Потому что совсем дебилы! Кто же тот человек, который может хотеть и получать удовольствие от того, что человек упал в дерьмо, надрался, морду себе раскрошил, в бане на мыле подскользнулся?... Вот где счастья полные штаны! И если люди после этого уходят счастливые, то мне безумно жаль этих людей и их детей.

— **Вы постоянно живете на своей даче на Николиной Горе. Раньше это был известный поселок музыкантов и вообще творческих личностей. А сейчас с кем Вы там встречаетесь?**

— Я встречаюсь с собой и любимой женой, любимой дочерью, с моими тремя котами. Их зовут Кисик, Тося и Куся. Один — сибиряк, красавец, глаз не оторвать. Вторая — колор-пойнт: миниатюрная, прелестная кошечка, с темной мордочкой, пушистенькая, просто шарик, безумно красивая. А третья — пролетарская, но очень душевная, дочка нашей бывшей кошки, которая, к сожалению, погибла. Раньше у нас за стол садилось по 15–20 человек. Но цена обещаниям и изливаниям, что мы друзья навеки, мне давно известна. Соседей я всех знаю, а среди музыкантов друзей крайне мало. У меня очень ограниченный круг людей, допущенных в мой маленький мир.

— **Вы заядлый автомобилист. Не изменили своего пристрастия?**

— Не изменил. Я продолжаю ездить на хорошей машине.

— **У вас «Volvo»?**

— Нет, солнышко, я уже давно перешел на «Mercedes-Benz». И у меня, и у жены, и у дочки — «Мерседесы». Удобно их обслуживать.

— **А Вы «лихачите»?**

— Езжу быстро, но никогда не был бандитом на дороге. Меня совершенно выводит из себя наглость «хозяев жизни». Это один из самых больших раздражителей, тем более, что я живу на их дороге, на Рублево-Успенском шоссе.

— **Сотрудники ГАИ Вас останавливают?**

— Бывает.

— **И как? Узнают?**

— И узнают. Должен сказать, что за всю мою жизнь — а я 40 лет за рулем — был один-единственный случай, когда милиционер откасался у меня взять деньги. И то тогда их было трое — видимо, каждый боялся, что кто-нибудь

«настучит». Из этого позволю себе сделать резюме, что вся наша власть полностью коррумпирована: это касается и милиции, и образования, и медицины, и судебного дела, и чиновничества. Чем больше борются (для вида!) с коррупцией, тем она становится более дорогой, вот и все.

— **От осознания безысходности Вы как-то спасаетесь? Есть ли у Вас хобби?**

— Много лет я коллекционировал настоящую гжель, у меня было более 800 предметов. Мне очень нравится сочетание дерева (у меня дача вся деревянная) и кобальта с белым. Конечно, многое мне дарили, зная, что я это люблю. Но сейчас, честно говоря, новые экспонаты уже некуда вешать и ставить.

Еще я собирал фильмы, у меня была гигантская коллекция. Когда началась эпоха видео и оригиналы стоили очень дорого, по 50–70 долларов за фильм, мы обменялись с друзьями кассетами, переписывали... И я скопил полторы или две тысячи фильмов. А теперь все стало безумно доступно, но качество уже не то, оно не соответствует, например, DVD со всеми «примочками». Ну, лежат эти кассеты, только место занимают. Я к ним год или два не подходил, а потом подарил нашей домработнице.

— **А страсть к кино не пропала?**

— Нет. Я вообще много времени провожу у телевизора. Новости смотрю по 7–8 раз в день — помните, как в ранней репризе у Искандера, когда он говорил о страсти москвичей к новостям и погоде? Телевизор очень люблю. Недавно купил себе плазменный, очень красивый, как кинотеатр.

— **Чем Вы сейчас занимаетесь?**

— Мы с женой хотим как можно уютнее и симпатичнее устроить наш участок. Дом стоит в сосновом лесу, ничего у нас там не растет. Но участок спланирован очень красиво. У меня одного, может быть, остался первозданный участок почти в гектар — все мои соседи и знакомые давным-давно свои участки «порезали», и там, где раньше стоял один дом, теперь стоят четыре. Мы вычистили всю свою территорию, убрали все, что давало сырость — калину, рябину, осину... Теперь у нас даже комаров нет, весь лес просвечивается.

— **И это все Вы делаете сами?**

— Собственно, это легенда, что я построил свой дом своими руками. Частично это так, потому что в то время, когда не было ни строительных материалов, ни рабочих, я овладел многими профессиями: столяр, плотник, сварщик, электрик... Все мог делать.

— **Как же пианистические руки?..**

— Никогда не носил белых перчаток. У меня пальцы изрезанные, исколотые, в шрамах; бывало, и молотком ударял (слава Богу, не топором)... Сейчас, конечно, пользуюсь наемным трудом. Но, во всяком случае, могу во всем разобраться. Еще у меня, пожалуй, есть дизайнерский дар. Я не прибежал к услугам архитектора, все сделал так, как мне хотелось, по собственному плану. И, по-моему, получилось очень неплохо.

Беседу вела Катерина ЗАМОТОРИНА

«Меня пугает и убивает то, что сейчас все стало продаваться.»

ушн! Для этого нужно иметь огромные деньги: или влиятельную маму, или любовника, или богатого и известного влиятельного человека, одно из трех.

Другое дело, что множество концертов в консерватории (причем выдающихся музыкантов и дирижеров) проходит при полупустом зале. Поэтому, когда подняли цены на аренду, филармония не имеет права предоставлять крупную площадку лю-

сти певец, его с удовольствием будут слушать в концертном зале «Россия», даже в зале им. Чайковского... Но есть место святое, куда человек должен стремиться попасть, где должен бороться за право выступить. Да лет 15 назад Александр Малинин никогда бы и не попросил этот зал! А сейчас ему назвали очень высокую цену, скажем, 10–12 тысяч долларов, и он заплатил. Для эстрады такую сум-